

Пролог

С большим домом Анна подружилась сразу. Едва только муж распахнул широкие двери, а она молодой хозяйкой вошла в просторный холл, как поняла, что им здесь будет уютно. Дом встретил тихим скрипом половиц, подмигнул заглянувшему в окно зимним солнечным зайчиком, приветственно завыл февральским ветром в печной трубе.

Анна не ошиблась. Она любила дом, отказывалась от любой прислуги, не желая, чтобы за ним ухаживал кто-то другой, а тот отвечал ей тем же. Она шила занавески на окна, а он аккуратно прикрывал ставни по утрам от яркого солнечного света. Она чистила камин, а он гасил огонь в печи, если она забывала открыть задвижку. Анна не боялась оставаться одна, когда мужу приходилось ночевать в городе. Знала, что дом защитит, не даст в обиду.

На самом деле она была уверена, что за ней приглядывает домовый. Пару раз даже видела его краем глаза, когда проходила ночью из одной комнаты в другую. Сережа смеялся над ее рассказами, говорил, что в нынешнее прогрессивное время уже глупо верить в эти бабкины сказки, но Анна так не считала. Бабушка ее верила, мама, и ее так научили. Тихонько оставляла домовому угощение: блюдце молока да краюху свежего хлеба. Сережа не знал, ложился раньше нее, вставал позже. А ей

так было спокойнее. Вот она и говорила «дом» вместо «домовой». К этому Сережа относился с пониманием, думал, что жене просто одиноко в глуши без подруг и родственников, поэтому и нашла для себя такой вариант «дружбы».

Домовой попался спокойный, хоть и, как вся его братия, любил иногда пошалить: то заколку спрячет, то украшения. Правда, когда Анна вежливо просила вернуть, всегда отдавал. А если не отдавал, значит, так было нужно. Значит, оберегал ее от чего-то. Как-то, собираясь на прием к одному из друзей мужа, Анна хотела надеть колье и сережки, подаренные им, да последние будто сквозь землю провалились. Анна и просила домового отдать, и угощения в угол ставила: не отдал. Пришлось надеть другие серьги и изменить прическу, чтобы не бросалось в глаза, что украшения из разных комплектов. Муж уж очень хотел видеть это колье на ней. А на приеме пьяный хозяин споткнулся, упал на нее и порвал его. Жемчужинки покатались по полу, и собрать удалось не все. Так Анна поняла, что домовый предупреждал ее. И впредь слушалась.

Сережа часто оставался в городе, поскольку иногда важные встречи заканчивались за полночь, а Анне больше нравилось на природе. Особенно летом, когда так ярко пахнет свежей травой, жужжат пчелы, перелетая с цветка на цветок, солнце ласково гладит по плечам, весело плещется вода в пруду на заднем дворе. В город она приезжала редко, только по нужде. А уж когда забеременела долгожданным ребенком, вовсе перестала там показываться.

Беременность проходила тяжело. Анну тошнило по утрам, днем постоянно хотелось лежать, зато по ночам она не могла уснуть. Что-то непрерывно давило на грудь, не давало дышать. Доктор приезжал к ней два раза в

неделю, Сережа старался как можно чаще бывать дома. Настаивал даже, чтобы она взяла компаньонку на время, но Анна пока не соглашалась. Ей одной нужно не так много, справится сама. А дом всегда поможет, если она что-то забудет. Пока не стало совсем худо, справится. Может быть, потом, когда родится малыш, но не сейчас.

Июнь выдался жарким. Солнце уже не гладило ласковой материнской рукой, а жгло ядом мачехи, на улице можно было выйти либо рано утром, либо вечером, когда оно большим красным диском закатывалось за лес, разливая по деревне темные краски. Анна почти все время сидела дома, окна при этом были распахнуты настежь даже ночью, иначе она не могла спать, ей не хватало воздуха. Впрочем, засыпала она теперь на рассвете. Анна и раньше любила шить: Сережа привез в подарок швейную машинку из самой Германии, а теперь, когда до появления малыша оставалось всего несколько месяцев, почти не вставала из-за нее. Сережа заказал у лучшего мастера колыбельку, и Анна шила постельное белье, одежду маленькому, готовила детскую. У их долгожданного сына должно быть все самое лучшее.

Эта ночь была особенно душной. Нагретая за день крыша дышала жаром, не спасали даже еловые ветки, которыми мужики из деревни по просьбе Сережи укрыли ее. Анна сидела у распахнутого окна спальни на втором этаже, внимательно глядя на выбегающие из-под рук ленты и кружева, и совсем не замечала время. Только когда внизу хлопнула створка окна, подняла голову, прислушалась. В соседней комнате тихо тикали часы. Больше ничего не нарушало тишину спящего дома.

Должно быть, ветер, решила Анна, хотя ветки старой яблони, настырно лезущие в окно, даже не колыхнулись. Она снова принялась за работу, но уйти в нее полностью так и не получилось. Мысли то и дело возвращались к

хлопнувшему окну. Это точно не ветер. Дом сам закрыл створки? Но зачем? Дом закрывал окна, если на улице было холодно, заботился, чтобы она не замерзла. Но со двора удушливыми волнами катилось тепло, в такой заботе не было нужды.

Анна отложила в сторону шитье, тяжело поднялась и подошла к двери спальни, прислушалась. По-прежнему ничего не нарушало сонной тишины. Она собиралась вернуться к машинке, как вдруг снова захлопнулось окно, на этот раз другое — на кухне. Захлопнулось с силой и даже на защелку закрылось. Анна решительно вышла в коридор. Ей показалось, что внизу кто-то есть. Спрятаться бы, да что толку? Она одна, Сережа в городе, никто не поможет. Надо быть смелее.

Осторожно прошла в соседнюю комнату, которая была Сережиным кабинетом, сняла со стены ружье. Стрелять она не умела, да и едва ли решится выстрелить в человека, если в дом забрался воришка, а вот припугнуть сможет.

Вдоль лестницы тускло горели лампы, и Анна, сжав ружье обеими руками, медленно спустилась. Замерла на последней ступеньке, прислушалась. Тишина заполняла холл, но она все же вскинула ружье и громко спросила:

— Кто здесь? Немедленно убирайтесь! Я буду стрелять! У меня ружье.

Мир замер в ожидании ответа, но его не последовало.

Анна ступила вниз медленно, как и прежде, приблизилась к кухне и заглянула в нее. Узкий серп месяца светил в закрывшееся окно, озаряя большое помещение. И там совершенно точно никого не было. Она развернулась, чтобы идти обратно, и в тот момент, когда взгляд ее в последний раз скользнул по окну, ей привиделось движение. Анна снова повернулась, надеясь, что действительно привиделось, но прямо за окном, почти

прижавшись лицом к стеклу, стояла женщина. Очень странная, не похожая ни на одну жительницу деревни. Анна всех знала. У нее были длинные черные волосы, невымытыми паклями свисающие вдоль землисто-серого лица, черные глаза-бусинки и тонкие губы, приоткрывающие в зверином оскале желтоватые зубы.

Анна от страха отступила и направила ружье на окно, но на женщину это не произвело никакого впечатления. Она растянула губы в плотоядной ухмылке еще шире, на мгновение припала к стеклу, а потом резко кинулась в сторону, исчезнув из вида. Анна не сразу сообразила, что она побежала к распахнутым окнам гостиной, а когда поняла, бросилась туда же. Одно из окон, ближайшее на пути, было уже закрыто домом, зато второе звало внутрь. Была бы Анна чуть легче, двигалась бы чуть быстрее, точно бы успела, но в ее положении она бежала слишком медленно. Незнакомка успела первой. Отодвинула в сторону длинные портьеры, стремительно ворвалась в гостиную и остановилась, хищно скалясь. Анна поняла, что ей не нужны ни деньги, ни драгоценности. Она пришла за ней.

Анна прицелилась в голову незваной гостьи.

— Стой! — крикнула она, но женщина улыбнулась еще шире, будто знала, что Анна не умеет стрелять.

Секунда — и знакомка ринулась к ней. Анна вскрикнула и побежала, уронив ружье по дороге. Выбежать бы на улицу, позвать на помощь, вдруг кто-то услышит, да дверь заперта на тяжелый засов. Пока его откроешь, догонит и более медленный преследователь, поэтому Анна поспешила к лестнице. Закроется в спальне, придвинет к двери тяжелый шифоньер, только бы сил хватило!

Ах, если бы не ее положение, она бы снова успела! Но уже на пятой ступеньке оступилась, упала на одно колено, потеряла драгоценное время, и женщина догнала ее.

НАТАЛЬЯ ТИМОШЕНКО

Ухватила за лодыжку, дернула вниз. Анна попыталась удержаться за перила, но незнакомка оказалась сильнее. Пальцы лишь скользнули по гладкой поверхности и разжались. Она успела только перевернуться, чтобы съезжать по ступенькам на спине. Незнакомка тянула ее за ногу, продолжая скалиться и плотоядно облизываться. Анна отбивалась как могла, звала на помощь, но их дом стоял на отшибе, окруженный огромным двором и садом. Толстые стены не пропускали звуки, среди ночи никто не мог услышать ее и прийти на помощь.

Женщина стянула ее вниз и встала над ней на четвереньки. Анну обдало могильным холодом и отвратительной вонью из широко раскрытого рта. Несколько капель слюны упали на лицо, но она не могла отвернуться. Что-то жуткое, страшное заставляло смотреть в черные, без белков и радужной оболочки глаза. Мертвые глаза. Такие глаза не могут принадлежать живому человеку. Такой запах не может исходить от живого человека. Даже от самого последнего бездомного, который не мылся уже несколько лет.

Глаза словно гипнотизировали, не давали больше отбиваться, кричать, пытаться спастись. Анна смотрела в них, а по телу волной проходила болезненная судорога. Одна, вторая, третья. Каждая сильнее предыдущей. Она наконец не выдержала, закричала. А незнакомке только это и надо было. Та мгновенно припала к раскрытому рту своей жертвы, и Анна задохнулась от резкой боли. Будто внутренности из нее вытягивают. Длилось это не дольше секунды. Потом наступило блаженное беспмятство.

Глава 1

ДВА ДНЯ ДО МЕРТВОЙ НЕДЕЛИ

Мирра

Одиночество никогда не доставляло Мирре неудобств. Ее не напрягала гробовая тишина в квартире, не пугало отсутствие рядом кого-то близкого, не давили на психику стены. Она не заводила постоянных романов, близких друзей, даже домашних животных. И больше всего любила моменты, когда, набрав достаточное количество материала для статьи, могла запереться дома и не выходить из него, пока текст не будет готов. Даже продукты заказывала на дом, оплачивала онлайн и просила курьера оставить пакет под дверь. В таких случаях статья писалась быстро и получалась на загляденье стройной и красивой. Главред знал эту ее особенность, поэтому единственной разрешал работать дома, хоть она и числилась в штате журнала. Если бы не редкая необходимость бывать на летучках, жизнь вообще казалась бы прекрасной.

Несмотря на молодой возраст, Мирра вела собственную колонку, писала о выставках, концертах, спектаклях, освещала культурную жизнь города. Больше всего она любила живопись и скульптуры: величественные, одинокие, не нуждающиеся в чьем-либо обществе, как и она сама. Концерты посещала с меньшим удовольстви-

ем, поскольку там всегда много народа, хотя незнакомые люди на таких мероприятиях напрягали ее не так сильно, как коллеги и соседи. В той толпе легко быть одиноким, ни с кем не заводить разговор, не здороваться и не интересоваться делами. На концерте можно стать невидимым в толпе. Никому нет дела до того, с кем она пришла, что здесь делает и куда пойдет после. Вот бы так можно было жить всегда!

К сожалению, нельзя.

Вот и этим утром она со вздохом упаковала ноутбук, оделась и вышла из дома. Главред ждал от нее большую статью к юбилейному выпуску журнала, а такие статьи он предпочитал читать, когда исполнитель находился за дверью. В другом случае Мирра прислала бы ее по электронной почте. И так же получила бы рецензию с указаниями ошибок и исправлений. Но нет, пришлось ехать в редакцию.

Машины у Мирры не было, ведь для того, чтобы получить права, пришлось бы откатать большое количество часов наедине с инструктором. Такси она не пользовалась по той же причине: таксисты всегда норовят поговорить, влезть в личную жизнь пассажира или рассказать про свою. В тех редких случаях, когда ей надо было непременно попасть туда, куда нельзя дойти пешком, она пользовалась общественным транспортом.

Метро чем-то походило на концерт. Людей много, но никто на тебя не обращает внимания, не пытается познакомиться и что-то спросить. А если еще отгородиться от мира наушниками с громкой музыкой, то не пристают даже те, кому нужно узнать дорогу или время.

Но порой паранойя брала верх над здравым смыслом, и тогда ей казалось, что даже в толпе за ней наблюдают. Она чувствовала чужой взгляд, слышала дыхание у уха, ощущала прикосновение чьей-то руки к одежде. Сегодняшняя поездка была как раз из таких. Мирра несколь-

ко раз незаметно выключала в кармане музыку, прислушиваясь к происходящему, мельком оглядывалась, запоминая окружающих, переходила с места на место. Приметила даже высокого седого мужчину, который шел за ней к метро, а потом ехал в одном вагоне. Он был одет не по погоде: на улице стояла редкая для июня жара, а на нем длинный черный плащ и широкополая шляпа, — а потому привлекал внимание. Возможно, потому и запомнился ей, а картинку с преследованием нарисовало богатое от природы воображение.

Рабочий день в редакции был в самом разгаре. Коллеги носились по офису с чашками кофе наперевес, рассеянно кивали ей при встрече, некоторые отрывали телефон от уха и даже здоровались вслух. Вовсе не из вежливости, Мирра не обманывалась. Вслух здоровались те, кто ее недолюбливал. Кто знал, что она терпеть не может вербальный контакт, и не упускал возможности побесить ее.

О Мирре в редакции ходили разные слухи. Ее считали «блатной» и искали этот блат в самых невероятных областях, а не найдя, придумывали. Многие думали, что она родственница главреда, родственные связи с которым они тщательно скрывают. Некоторые даже называли ее его внебрачной дочерью. Мирра никогда не выставляла напоказ, но специально и не скрывала, что воспитывалась в приемной семье, а о родных родителях, как и вообще обо всех родственниках, ничего не знает. Завистники, тщательно копавшиеся в ее биографии, не могли этого не знать, но все равно придумывали небывлицы. Главред советовал не обращать на сплетни внимания, и Мирра старалась следовать его совету.

Главредом в журнале третий десяток лет служил один и тот же человек. Михаилу Аркадьевичу уже исполнилось шестьдесят, но выглядел он лет на десять

старше. Полный с юности, к своему возрасту он стал совсем тучным. Он со смехом винил во всем жену-повара и нервную работу, от которой постоянно хочется есть, но на самом деле любил прихватить на обед блюда из ресторана быстрого питания, находившегося через дорогу от редакции. А еще мало двигался и постоянно что-то жевал: в лучшем случае это были орешки, в худшем — чипсы.

Мирра пришла в журнал всего полтора года назад, и он как-то сразу взял ее под крыло. Ни сама Мирра, ни ее коллеги так и не поняли, чем она заслужила к себе такое отношение. Ей было комфортно на этой работе — это главное.

К удивлению, Михаил Аркадьевич читать статью не стал. Будто даже не заметил флешку, которую Мирра положила перед ним вместе с распечаткой статьи. Михаил Аркадьевич всегда просил подчиненных приносить статьи на двух видах носителей. С бумаги ему было проще читать и делать пометки, зато в компьютерном файле он писал подробные комментарии и указывал, что и почему следует исправить.

— Садись, Мирочка, — велел он.

Мирра на несколько секунд удивленно замерла, а затем аккуратно присела на краешек стула. Предложение сесть вместо обычного взмаха рукой, означающего «далеко не уходи, позову, когда закончу», и тон главреда заставили напрячься. Она даже быстро прикинула в уме, не натворила ли чего за последнюю неделю, но в голову ничего не приходило. За неделю она написала три обычные статьи: осветила пару выставок и балет литовской труппы — и одну огромную, посвященную совместной выставке пяти художников, но те, насколько ей было известно, звонили в редакцию и статью хвалили.

— У меня для тебя партийное задание, — начал главред с улыбкой, показавшейся Мирре настолько фальшиво-искусственной, что Михаил Аркадьевич мог бы и не напрягаться, все равно обмануть не получилось. — Поедешь в командировку.

Командировка оказалась в какое-то жуткое захолустье, о котором Мирра никогда не слышала, о чем вслух, конечно, не призналась. Она была самой младшей в редакции, иногда удостаивалась снисходительных взглядов от коллег. Мирра с детства обожала читать, искренне считала себя достаточно образованной и начитанной, но прочти ты хоть всю классическую литературу и изучи ушедшую эпоху, а все равно порой старшие коллеги говорят что-то такое, о чем тебе неизвестно, что можно знать, только если тебе минимум тридцать, а лучше сорок, и ты жил в то время, о котором говорят. Мирре же было всего двадцать четыре. Вот и сейчас она не стала признаваться главреду, что впервые слышит произнесенное им название захолустья. Интересно, туда поезда хоть ездят? На самолеты нечего даже надеяться.

— О чем писать? — деловито осведомилась Мирра.

— Репортаж о свадьбе.

— О свадьбе?

О свадьбах она не писала. Шоу-бизнес и его сплетни не ее стезя. Для этого в редакции есть Шуручка. Дама с большими связями и еще бóльшим желанием эти связи постоянно увеличивать. Шуручка, казалось, была вхожа во все столичные тусовки, ее звали на дни рождения звезды, а интервью готовы были дать хоть в шесть утра после массовой попойки.

Да и вряд ли это свадьба кого-то известного. Может, некой губернаторской дочки, но зачем о ней писать в столичном журнале, не специализирующемся на подобном? Такие статьи всего лишь один разворот.